

Игорь СИЛАНТЬЕВ

Игорь Силантьев родился в 1960 году, живет в Новосибирске. Доктор филологических наук, главный редактор журналов «Критика и семиотика» и «Сибирский филологический журнал». Стихи и проза публиковались в журналах «Звезда», «Сибирские Огни», «Просодия», «Крещатик», «Футурум АРТ», «Квадрига Аполлона», «Двоеточие», «Артикуляция», «Литература» и в различных сборниках и альманахах. Автор четырех книг стихотворений и короткой прозы. В «Волге» публиковались стихи и проза (2018, 2019).

МОЛОКО И ТРАВА И ЖИТЬ

Сбербанк или кто-то другой
Написал, что мне одобрен кредит
На покупку коровы и козы.

Я сейчас в отделение побежал.
Я взял денег и животных купил.
И козу и корову и еще.

И еще на вершине холма,
На вершине холма я сижу.

Пусть коза пощипывает траву.
Пусть корова даёт молоко.
Пусть мигает огнями Сбербанк.

А мне оно совершенно хорошо.
Я давно ведь такого хотел.
Чтобы молоко и трава и жить.

В Нижнем Тагиле на Вагонке
В глубине пионерского парка
(Называется он так, потому что
На входе пионер с горном),
Так вот, на перекрестье дорожек
Я к фонтану одинокому вышел.

А в центре его когда-то
Дева с веслом стояла.
А вокруг по сторонам света
Четыре сидели лягушки
Из позеленевшей меди
И струи пускали в деву.

От девы с веслом осталось
Основание из серого камня.
И мхом лягушки покрылись.
И высохло дно фонтана.
Ну а я не с пустыми руками.
Я чекушечку ополовинил
И запрыгнул в фонтан резво.
Той девы с веслом заместо.

И дрогнули медные твари.
И выпустили в меня струи.
И северная вылила воду.
А южная вином оросила.
С востока брызнуло кровью.
А с запада мочой, извиняюсь.

Не стал допивать я водку.
Побежал скорей отмываться.
Чтобы лезвиями глаза не стали.
Чтобы горем не запахло тело.
Чтобы сердце не набрякло небом.
Чтобы смерть в ногах не завывла.

Третье, четвертое, и пятое, и шестое.
Люблю собирать и раскладывать на ладони
Кленовые ушки-крылатки. Какой-то
Еще не разобранный чудится смысл мне
В этом невольном простом порядке.

В следующий раз собираю частицы
Сосновой коры и опавшие иголки.
Нечаянный текст на ладони читаю.
И губы мои неловко кривятся.
И слово несказанное в горле тонет.

Но все же попробую. И я не существую.
Вещество моего тела разбирает воздух.
И душа опадает пылью на травы.
Я всегда мечтал с ними сродниться.
Я замираю и ложусь в сырое лицом.

А тут передо мной Икар свалился.
Синяк с недопитой бутылкой пива.
Промычал чего-то и вырубился, славный.
Из кожзаменителя крылышки комом.

Да какой он Икар, какие они крылья?
О чем эти слова? Все банально до скуки.
И пиво из горлышка повытекло, зараза.
Бутылку на карачках в кусты закинул.

Икает Икар. В слюнях Икар плачет.
Ползает передо мной, бронзовым богом.

Вот уже сколько времени прошло, и мы с тобой изменились.
Я стал квадратный такой, а ты стала круглая такая.
И покачиваются глаза на наших лицах, а в глазах коктейлем
Встречаются радость и сожаление и еще немного забвения.

В самом деле, я с трудом, я с трудом забываю твое имя.
И во рту моем привкус чего-то крашенного и сухой газеты.
Хоть и не ем я ничего такого, впрочем, не во вкусе дело.
Это всё вещи, они почти случайно впиваются в мое время.

Знаешь, если собрать, сгрести в кучу эти глупые вещи,
Круглые и квадратные, а еще глупые жесты и взгляды,
И нас с ними вместе, и сбросить все в дырявую половицу
Памяти, тогда, пожалуй, станет единственно легче.

Какой-то веселый дедушка,
Бородка у дедушки клинышком,
Кидал из корзинки в форточку
Мне сереньких мертвых птичек.

Махонькие *на* пол шмякались.
Всклокочены, спутаны перышки.
Черные лапки разбросаны.
И глазки покрыты глянцем.

Я тельца связал веревочкой
И сделал себе ожерелие.
И вышел такой на улочку.
И к деду шагнул с корзинкой.

А он сто рублей протягивает.
А я сто рублей рассматриваю.
Глаза поднимаю, а нет никого.
И птички, и птички спорхнули.

А я когда в поезде ехал себе,
То пил беспробудно с попутчиками.
И рожи плясали в глазницах моих.
И хохот по черепу зайцем скакал.

А ночью я выполз ужом на перрон.
Упал из вагона пустым башмаком.
Упал и царапал замерзший асфальт.
Царапал до крови и выпавши полз.

Но с облака фея спустилась ко мне
И ровно под ручку в буфет отвела.
Свободна в плечах и грудью сильна.
И кофта духами пахнет навзрыд.

А утром, а утром, а утром, а что?
А утром часов на мне нет и штанов.
А утром штанов на мне нет и креста.
Креста на мне нет, а доехал.

Вновь поднимаюсь на лифте на свой, на десятый.
И между третьим и пятым на крышу кабины
Прыгают с лифтовой шахты досужие зомби,
Рвут жестяное покрытие и в щели щемятся.
Тут мне становится страшно, но ближе к восьмому
В руки беру я себя и читаю из Блока,
Ту, что пришла раскрасневшаяся с мороза...
После сбиваюсь и, в угол забившись, плачу.
А зомбаки там, на крыше, садятся кружком на корты
И затихают. Трубит механизм подъемный.
Вот и десятый. Вокруг раскрываются двери.
Я выхожу. Я вернулся домой, в свое небо.

Я шел и шуршал высохшими листьями,
Наверное, потому что вокруг была осень.
Вокруг было тихо и на сердце было тихо.

А тут из листвы выскакивает воробышек
И прыгает с разлету прямо мне в сердце.
Может, случайно у него получилось!

Я остановился. А он в сердце топчется,
Попрыгивает, а то разок-другой клюнет.
Не скажу, что приятно, скорее, больно.

Но вроде успокоился, а может, вылетел.
Постоял я тихонько и листвой умылся.
Вокруг стало пусто и на сердце пусто.

Я вот щас разрубил дракона
И еще дракона другого.
А еще разрубил анаконду.
И сколопендру тоже.

И верховного разрубил злодея.
И нижайших его вертухаев.
И всю интеллигентную массу
Порубил на мычащие кусочки.

А потом я пошел и встретил
Продававшего фрукты узбека.
– Уважаемый, купи абрикоса!
Ище вкусный купи орешка!

Я хотел и узбека, чтобы
Увеличить надвое население.
Но не стал, а купил дыню.
Ну и да, разрубил ее.

Холод кроватной спинки.
Скрипы панцирной сетки.
Ватный матрац комками.
И потолок и стены.

И пол. И худые тапки.
И рядом ночная ваза.
Крышка прикрыта плохо.
А рукой не дотянуться.

И клоун с дурной гримасой
Крича забегает в палату.
Да нет никого, это сердце,
Это солнце чудит, пляшет.

Руку мне дай, успокойся.
Усни, а если понравится,
Можешь не просыпаться.
А горшок я поправлю.

Я матери позвонил на тот свет.
А она: – У меня на исходе заряд,
Ты давай перезвони потом.

Я позвонил туда же отцу.
А он: – Тут такая плохая связь,
Ты давай потом перезвони.

Я брату звонил и звонил сестре,
И даже собаке набрал, и еще
Написал на стенке их имена.

Это в итоге успокоило меня.
Я звонить на тот свет перестал.
И даже разбил телефон.

Шел я, шел и уперся в мармеладную стену.
И подумав, написал на мармеладе слова.

Не нужно звать смерть.
Она может прийти не тебе.
Лучше позови жизнь.
Неважно, кому она придет.

Ну а потом я съел
То, что написал.